

Виталий СЕРДЮК

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОЕЗДКИ БУНИНА

По-русски этот адрес пишется так: «Франция, департамент Тарн и Гаррона, Лафрансез, Грязнову...»

Нет, я никогда не писал по этому адресу, никогда не был в Лафрансезе, от которого немногим больше ста километров до испанской границы. Но время от времени я пытаюсь представить себе этот южный городок с аккуратными домиками, с разбросанными по холмам окрест виноградниками... Я представляю трехкомнатный дом мосье Грязнова с потайной дверью в кухне, выходящей в курстарник на задворках и на незаметную, заросшую тропку, которая приведет на «пустые» (заброшенные) дороги и дальше — в лес с каштанами и дубами... Я представляю, как июльским днем 1940 года хозяин усадьбы предложил гостям сфотографироваться. Бунин был не в настроении. Ему плохо работалось, неудобно было в этом чужом доме, тревожно на душе: петэны поставили Францию на колени перед Гитлером, и теперь уже не было Французской республики, а существовало — смешно сказать — «Французское государство»; по Парижу маршировали немецкие солдаты, а дороги были забиты беженцами, и он, Бунин, он тоже был беженцем; побросали эмодан самое необходимое, в том числе стопку бумаги и несколько любимых книг, и — прочь из Грасса...

Щелкнул затвор фотоаппарата. Иван Алексеевич взглянул через плечо на стоящую чуть сзади жену. Вера Николаевна натянуто улыбалась. Было ветрено, и она подняла воротник старенького летнего пальто. Ветер отпахнул полу... Платье мятое... Сумочку не забыла прихватить. Господи, можно подумать, что у нее там капиталы...

— Внимание! Еще раз, Иван Алексеевич...

Он повернулся к фотографу и в это время даже не увидел, а почувствовал у своих ног пса, которого недавно ласкал. Бунин склонил на него глаза...

Вновь раздался характерный щелчок.

— Теперь сфотографируйте нас вдвоем с Иваном Алексеевичем, — потребовала Лидия Гавриловна. — Только не у кустов, там темно, а вот здесь, на дорожке. Идите сюда, Иван Алексеевич!

— Придется подчиниться. Хозяйка! — улыбнулся Бунин. — Однако жарко. Вера, поддержи пиджак.

Он встал рядом с Лидией Гавриловной, приосанился, вскинул голову, расправил плечи. Отставил ногу, а руки сцепил сзади, твердо взглянул на стеклышко объектива...

Я люблю рассматривать эти фотографии. Они какие-то очень живые, человеческие, и Бунин на них — не гордо официальный, сознающий всю свою значительность и величие, а вот такой — обыкновенный человек, несущий в себе бремя житейских забот. Кажется, вот сейчас Иван Алексеевич легонько обни-

мет за плечи Лидию Гавриловну и скажет: «Ну что же, хозяйшюка, спасибо вам за все. Нам пора ехать».

Ну а мне пора рассказать историю этих фотографий.

Еще в прошлые мои поездки в Лодзь я не раз слышал, что здесь живет некто Д. А. Грязнов — обладатель уникальной русской библиотеки. Меня обещали познакомить с этим человеком. Но как-то так все получалось, что я никак не мог выкроить и часа: были запланированы другие, так сказать, рабочие встречи и поездки.

И вот в мой последний приезд я наконец отправился в гости к «земляку». Гидом моим, как всегда, был Василий Кочнов, русский человек, гражданин Советского Союза, преподаватель Лодзинского университета.

...По-разному складывались судьбы тех, кто не принял Великую Октябрьскую социалистическую революцию, покинул родину, по-разному складывались судьбы их детей. Отец Дмитрия Алексеевича — Алексей Флегонтович Грязнов, главный инженер, а затем директор Ярославской Большой мануфактуры, был крупным специалистом, талантливым организатором текстильного производства. Эмигрантские дороги привели его в Польшу, в Лодзь, где он стал управляющим ряда крупных фабрик...

И вот — я иду на встречу с его сыном. Какой он? Каково его отношение к России? Как сложилась его судьба? Как встретит он меня, советского литератора, раскроется ли?

Поднимаемся на второй этаж обыкновенного пятиэтажного дома. Звоним.

Благообразная, в кудельках, крохотная старушка сдержанно улыбается, предлагает раздеться. А в конце коридора уже возникает сам хозяин — Дмитрий Алексеевич, еще крепкий семидесятипятилетний старик. Знакомимся, снимаем плащи. Пожилая мне руку, хозяин вдруг произносит:

— А я вам приготовил подарок: Минуточку... — И убегает в глубь квартиры.

Мы еще топчемся в прихожей, а он уже возвращается!

— Вот. Это — Телешов, с его автографом. А это — «Прекрасная Франция» Горького. Также дореволюционное издание.

— Помилуйте... Не успели порога переступить, а вы — подарки... Да и неловко как-то, — мямлю я, не зная, как себя вести.

— Это ради знакомства, — машет ей рукой.

Я приподнял обложку и увидел титульный лист: «Издание товарищества «Знание» (СПб., Невский, 92). Н. Телешов. Том первый. Рассказы. Цена 1 рубль. С-Петербург, 1903». Это типографский набор. А вот что сверху того... В правом верхнем углу стоит овальная печать: «Библиотека и архив при ЦК. Российская Социал-демократическая Рабочая Партия». Внизу — надпись:

На первом плане — И. А. БУНИН и его жена В. Н. МУРОМЦЕВА (БУНИНА), сзади — Д. А. ГРЯЗНОВ и (предположительно) Г. Н. КУЗНЕЦОВА. Лафрансез, 1940 г.

И. А. БУНИН и Л. Г. ГРЯЗНОВА. Лафрансез, 1940 г.

«Для кружка русских студентов в Лейпциге. Н. Телешов. 1904». Вот это книжка! Как впоследствии выяснилось, этот томик был привезен Дмитрием Алексеевичем из Тулузы. То есть книга совершила путешествие по маршруту: Россия — Германия — Франция — Польша. И вот наконец ей снова предстояло вернуться на родину...

Проходим в большую комнату. Здесь тепло, уютно. Старинная мебель, старинные вещи.

— Может быть, чаю? — предлагает хозяйка.

— Не откажемся, — с готовностью откликается Василий. — На улице холодно, ветрено...

Пока хозяйка хлопочет на кухне, я осматриваюсь. Вот на буфете хрустальные вазы, оправленные серебром, а там — старинный фарфор, оригинальной формы самовар, часы... И, будто обрадовавшись, что их заметили, часы вдруг подали голос: бой у них необыкновенно высокий и чистый, вот о таком говорят — серебряный голос.

— Дмитрий Алексеевич, эти часы, кажется, екатерининских времен? — понял мою заинтересованность, спрашивает Василий.

— Нет, елизаветинских, — нарочито небрежно уточняет хозяин. — А самовар... Этот вот восьмисот двенадцатого года...

Потом мы осматривали библиотеку. Я ожидал большего. Полки были полупустые. И хозяин посматривал на книги скучно, без интереса.

— Лучшее я продал, — сказал он. — Ведь было более шести тысяч томов...

— Зачем же вы продаете?

— Как вам сказать... Детей у нас нет... Пусть уж книга попадет к тому, кому она нужна.

Постепенно я перевел разговор на историю семьи Грязновых.

Как же сложилась судьба Дмитрия Алексеевича? Учился в Пражском политехническом ин-

ституте, затем — в Тулузском университете, жил и работал во Франции, где его и застала вторая мировая война. И вот здесь-то жизнь свела его с Иваном Алексеевичем Буниным. Вот как Дмитрий Алексеевич сам рассказал об этой встрече:

— Жил я на северо-востоке Франции в небольшом городке под Верденом. Имел хорошее место в торговом доме, продававшем различное лабораторное оборудование. Вскоре я уже имел приличный дом и десять гектаров земли. Жизнь там была спокойная... Однако когда я почувствовал, что вот-вот разразится война, мы с женой переехали в другую часть Франции, в ста двадцати километрах от испанской границы. Городок этот назывался Лафрансез. Купили маленький домик, жили тихо, мирно... Чутье не обмануло меня. Война не заставила себя ждать. И вот как-то летом сорокового года сидели мы дома. Пришли знакомые, решили сыграть в карты... И вдруг — стук в дверь. Открыли. Появилась одна наша знакомая. «Можно?» — «Милости просим». — «Вы знаете, приехал Иван Алексеевич с женой, приехали на такси, а шофер не хочет их везти дальше. И вот они не знают куда деться...» — «Подождите, — говорю. — Не трещите. Что за Иван Алексеевич?» — «Бунин». — «А кто такой Бунин?» — «Дмитрий Алексеевич, неужели вы не знаете Бунина? Вы шутите...» — «А почему я его должен знать?» — «Так это же знаменитый русский писатель». — «Ах, бросьте, — знаменитый... Ну, так где же ваш знаменитый русский?» — «Он в кафе». Пошел в кафе. Сразу же увидел его: стоит у стойки. Подошел, спрашиваю: «Вы — Бунин?» — «Я». — «Ну тогда пойдёмте ко мне яичницу есть». Он отказывается было... «Пойдёмте, пойдёмте...» Привел я его и жену Веру Николаевну... Очень красивая, кстати, была женщина. С ними вместе приехала еще поэтесса... Кажется, Кузнецова... (Да, это была Г. Н. Кузнецова. Писательница, которая с 1927 по 1942 год с перерывами жила в семье Буниных. В 1949 году переехала в США, работала переводчицей в аппарате ООН, автор «Грасского дневника»...) Сам Иван Алексеевич держался скромно, не кичился. А бежали они тогда, кажется, из Грасса, в общем, откуда-то с юга... Прожили они у нас месяца два.

Дмитрий Алексеевич помолчал, видимо, вспоминая подробности той встречи. Добавил: — Молчаливый он был. Пытался работать... А как-то показал мне медаль лауреата Нобелевской премии. Он редко кому показывал ее. Почему вдруг решил показать мне? Фотографировались как-то. Сейчас не помню, где эти фотографии... Он, конечно, помнил. Почему-то не захотел показать.

Я пытался порасспросить еще про Бунина, но Грязнов уходил от ответа. Может, память не сохранила подробности, детали. А фотографии я все же посмотрел. Мой предсудителный друг Василий еще раньше перепечатал их. И я имею возможность познакомиться с ними читателей «Литературной России».

Рассказ Грязнова о встрече с Иваном Алексеевичем Буниным долго не давал мне покоя. Да, все меньше и меньше остается людей, лично встречавшихся с великим русским писателем, и каждое свидетельство, каждый новый штрих из жизни Бунина приобретает особое значение. Я понимал это. Захотелось побольше узнать о жизни Буниных в годы оккупации Франции. И я обратился к книгам. В одной из них — «И. А. Бунин. Очерк творчества» (автор В. Н. Афанасьев), в частности, говорится: «Нападение Гитлера на Польшу, развязавшее вторую мировую войну, глубоко взволновало Бунина. Вернувшись

вскоре в Париж и прожив там зиму и весну, Бунин с женой в конце следующего, 1940 года снова приехал в Приморские Альпы и именно здесь неделю спустя узнал о первой воздушной бомбардировке Парижа немцами. Известие об этом, а также прекращение связи со столицей Франции тяжело подействовало на Бунина.

С того времени целых пять лет, вплоть до мая 1945 года, когда были окончательно разгромлены гитлеровские орды и наступил долгожданный мир, Бунины безвыездно прожили в Приморских Альпах». С интересом прочитал я и очерк Виктора Антонова «И. А. Бунин во Франции в годы войны», напечатанный в журнале «Иностранная литература» за 1956 год. Нельзя без волнения читать в этом очерке о том, как Бунины питались салатом, эрзацем хлеба и кормовым картофелем — топинамбуром, как, и доходя до голодных обмороков, Иван Алексеевич отвергал предложения прогерманских газет о сотрудничестве, суливших ему жирные гонорары, как он подерживал русских военнопленных, которым затем удалось бежать и встать в ряды французского Сопротивления.

Однако ни у того, ни у другого автора, ни в прекрасной книге Олега Михайлова «Строгий талант», ни в других источниках я ни слова не нашел о поездке Буниных в городок Лафрансез. И лишь в томе «Литературного наследия», посвященном жизни и творчеству И. А. Бунина, я обнаружил крохотное письмо Ивана Алексеевича М. В. Карамзиной, помеченное 5 июля 1940 года:

«Дорогой, милый друг, почти три недели как мы все покинули Grasse, находимся в городишке Lafrançaise (линия Тулуза — Бордо), что пережили и переживаем — и сказать невозможно. Надеемся на днях вернуться назад, домой. Напишите мне туда. Целую вас с большой любовью, клянюсь вашей жене».

Ваш Ив. Б.».

Вот такая история.

Но она, вероятно, была бы неполной, не скажи я несколько слов о Д. А. Грязнове. Откровенно говоря, мне тогда не понравилось несколько снисходительный тон, каким Дмитрий Алексеевич говорил о Бунине. Он, книжник, конечно же, знал о значении Ивана Алексеевича как писателя, и ему, по всему чувствовалось, льстило, что в его французском доме жил замечательный русский писатель. Но он все же видел в Бунине такого же, как он сам, эмигранта, человека, который стоит на одной с ним доске, тем более что не Бунин его, а он Бунина приятил.

Однако, к чести Дмитрия Алексеевича, следует сказать, что, в отличие от многих «бывших», клеветавших на Советский Союз, пошедших в услужение к гитлеровцам, Грязнов в сентябре 1942 года нашел дорогу к бойцам французского Сопротивления и вел активную борьбу против оккупантов до июля 1944-го. В его доме в Лафрансезе, в том самом, где около месяца жили Бунины, была устроена конспиративная квартира. Здесь прятались оружие и взрывчатка. Впоследствии Грязнов был награжден французскими орденами и медалями. Обо всем этом Дмитрий Алексеевич скромно умалчал. Об этом я узнал лишь потом из фотоконверсионных документов, добытых все тем же Василием Кочновым.

Поразительным круговерти судьбы: русский, гражданин ПНР, участник французского Сопротивления...

ИВАНОВО